

рукописи, и в среднике старообрядческого Молитвослова; трилистники разбросаны и по полотнищу прапора Василия Семеновича Волинского, вокруг изображений сцены борьбы птицы и змея (рис. 2). Вполне вероятно, что число «три» связано здесь с концепцией «Москва — третий Рим».

В этом нельзя не усмотреть ту же символическую связь, что и, например, в одном из вариантов «Повести о начале Москвы» — «Сказании о создании царствующего града Москвы, како исперва зачася»,²⁸ где речь идет о видении князя Даниила Ивановича на месте будущего «царствующего града», которое ему явилось в образе «зверя превелика и пречудна, трехглава и красна зело», и истолкования этого видения неким «гречинном», сопровождавшим князя, как предзнаменование того, что «...на сем месте созиждетца град превелик и распространитца царствие треугольное».

Трилистник, равно как и трехчастные городские сооружения здесь, — как бы совмещенные символы и Царьграда, и его наследницы Москвы.

Датировку многих вещей, к сожалению, пока еще не удалось уточнить. Но наличие даже некоторых определенно датируемых предметов позволяет все же группировать их и сделать некоторые, может быть предварительные, выводы.

Наименее определенны пока хронологические рамки изображений на книжных переплетах. Отнюдь не во всех случаях можно с уверенностью говорить о том, что переплет современен тексту книги. Здесь приходится оперировать понятием «век».

Если синхронность греческой рукописи XVII в. (ГПБ, № 70, ДСХХII) и ее переплета не вызывает особых сомнений, то того же, к сожалению, нельзя с достоверностью сказать об упоминаемых нами выше книжных переплетах Сийского и Архангельского собраний БАН, равно как и об упоминаемом Срезневским крюковым Обиходе Сольвычегодского собора. Не имеет пока точной датировки и алебарда-протазан из эрмитажного Арсенала (хотя предположительно она и относится к концу XVII в.).

Зато остальные предметы определяются с большей точностью.

Пищаль из собрания Оружейной палаты, приписываемая мастеру-оружейнику Никите Давыдову, могла быть изготовлена в конце 30-х, или, скорее, в начале 40-х годов XVII в.²⁹ Возраст ярославского и костромского изразцов датируется временем постройки тех архитектурных сооружений, частью декора которых они являются. В первом случае это 1644—1645 гг., во втором — 1645—1650 гг. Эрмитажное ружье с инкрустированным ложем (инв. № 5382), пистолеты из собрания Оружейной палаты (инв. №№ 9159/8272 «а», 9160/8272 «б») и чарка из собрания ГИМ (инв. № 6793 Щ ОК № 849) отнесены к середине XVII в.

Указанная группа материала укладывается в основном в рамки 1630—1650-х годов.

Вторая группа памятников относится к 70-м годам XVII в.

Это прежде всего серебряная коробочка собрания ГИМ (инв. № 1002 Щ ОК № 666), датируемая 1670-ми годами,³⁰ затем прапор В. С. Волинского, изготовленный, вероятно, в 1671 г., и, наконец, пистолеты мастера Евтихия Кузовлева, работавшего в третьей четверти XVII в. Ко второй группе относится и изразец из Воскресенской (Мироносицкой) башни

²⁸ Там же, стр. 248—249.

²⁹ Датировка дана на основании слов хранителя оружия арсенала Оружейной палаты Н. В. Гордеева. Никита Давыдов — старейший мастер Оружейной палаты, «отец русского оружейного мастерства» был учеником «царьградских бронников». См.: Ю. Арсеньев. К истории оружейного приказа в XVII веке. СПб., 1904, стр. 2.

³⁰ История русского искусства, т. IV. М., 1959, стр. 561.